

I

Мемфис

2016

Ни один год не проходит без мыслей о них. Индия, Эрика — на изнанке каждого белого халата, который я надеваю, будто вышиты эти имена. Я рассказываю свою историю, чтобы и ты всюду носила их с собой как напоминание: «Никогда не забывай». Медицина научила меня, по-настоящему научила принимать все, что не можешь изменить. Молитва о душевном покое сродни горькому лекарству. Я не буду переписывать прошлое. Я поведаю о нем, чтобы призраки наконец обрели покой.

Ты рисуешь, как моя мама — самозабвенно, а упорством напоминаешь моего папу. Твои способности явно идут вразрез с законами генетики. Я смотрю на тебя: вернувшись домой после колледжа, ты теперь, как и все сверстники, либо найдешь свой путь, либо соскользнешь в неопределенность. Ты сидишь на веранде, зарывшись носом в серую шерсть пса, — помесь питбуля и дворняги, которого хотели усыпить за нападение на человека. Пес живет с нами шесть лет, и все это время он скорее

суетлив, чем агрессивен, будто знает: один промах — и он обречен. Сейчас я понимаю, что такая уверенность в последствиях, пусть даже мрачных, это благословение.

Пес кряхтит; ты ищешь, где лучше его почесать. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь почесал так меня. Усталость пронизывает до костей. В этом году мне стукнет шестьдесят семь, но время пришло. Я готова возиться в саду, перебирать влажную землю и вспоминать о былом — точно сорока, от старости еле поднимающая крылья. После пробуждения мне обычно хочется укутаться в одеяло и подремать еще часик. Да, время и правда пришло.

Две недели назад мне рассказали, что Индия тяжело больна. Я не знаю, какой недуг поразил ее, но вижу в этом знак: пора отправляться на Юг. Понимаю, как это выглядит. Нет, я не собираюсь ее спасать. Нет, я не тешу себя химерными мечтами о последней пациентке, которой станет та, что была первой. Хотя и молилась об этом. Господи, помоги мне разгадать мое сердце.

Я окликаю тебя, и ты смотришь через окошко в кухню. Ты привыкла к тому, что я всегда рядом, но с каждым годом нуждаешься во мне все меньше и меньше, и мне больно от этих перемен. Еще немного, и нас останется двое — пес и старушка, которая лопочет ему бессвязную ерунду, как все хозяйева один на один с питомцами.

Но прежде, чем для нас обеих начнется этот новый этап, нам нужно кое о чем побеседовать. Мы с тобой всегда были откровенны друг с другом. Как только ты подросла и начала задавать вопросы, я открыла тебе все, что знала о твоих кровных родите-

лях. Рассказала, как ты пришла в мою жизнь и принесла в нее счастье.

Поведав о твоём рождении, я умолчала о *происхождении*. О том, что предшествовало твоёму появлению. О длинной цепочке событий, попирающей природные взаимосвязи. Твоя судьба, как я хочу показать тебе, переплетена с судьбой этих сестер. Нелегко объяснить, почему я впустила тебя в свою жизнь, решила не выходить замуж и не иметь детей. Прежде мне не хотелось обременять тебя этим, но теперь я начинаю думать, не навредила ли тебе, скрыв часть правды и позволив жить в неведении.

Вытаскиваю из кармана платья сложенный листок бумаги. Разворачивать его незачем, я запомнила адрес, вбила маршруты в телефон и продумала, как построю путь. Машина заправлена, в рюкзаке полно снеков. Несколько комплектов одежды аккуратно сложены в чемодан, стоящий у двери. Осталось одно дело — сказать тебе, куда и зачем я еду. Ты уже кое-что знаешь о сестрах и о суде, который всполошил всю страну, но еще не слышала историю целиком. Пора ее рассказать.

— Энн! — кричу я тебе и маню в дом.

Монтгомери

1973

Нас было восемь. Вспоминая те дни в клинике, я каждый раз спотыкаюсь об эту цифру. Могло ли все пойти иначе? Как бы сложилась тогда наша жизнь? Ни одной из нас уже не суждено это выяснить. Видимо, и в мире ином меня будут мучить те же вопросы. Но тогда, в начале, мы думали только о главной задаче. Совладать с нищетой. Втоптать ее в землю. Зажать рану, чтобы не вытекла вся кровь. Никто не предупредил, что когда мы наиграемся с чужими жизнями, нам придется столкнуться с последствиями.

В марте 1973 года, спустя девять месяцев после окончания колледжа медсестер, я впервые устроилась на работу — в Монтгомерскую клинику контроля рождаемости. В один день со мной поступили и две новенькие медсестры, Вэл и Алиша. В клинику мы явились, как солдаты на службу. Выпрямленные волосы. Отглаженная форма. Начищенные туфли. Расправленные чепчики. Словом, к нам невозможно было придрататься.

Над нами начальствовала высокая женщина по имени Линда Сигер. Богом клянусь, у нее были глаза на спине. Ничто не ускользало от этого взгляда. Несмотря на каменное выражение ее лица, в глубине души я поневоле начала ею восхищаться. Как ни крути, она, белая, управляла клиником, где принимали бедных чернокожих пациенток. Трудилась на благо общества. Такая работа требует немалой отдачи.

— Поздравляю. С сегодняшнего дня вы сотрудницы Монтгомерской клиники контроля рождаемости.

Этой фразой завершился наш курс подготовки. Неделя занятий. Ознакомительная инструкция на пятьдесят страниц, причем половина посвящена уборке кабинетов и туалета, а также поддержанию порядка в подсобке. Эта тема заняла целых три дня. Достаточно, чтобы задаться вопросом, кто мы — медсестры или уборщицы. На четвертый день наконец настала очередь клинического протокола и заполнения карточек пациентов. Увидев в комнате отдыха наши понурые лица, более опытные медсестры пообещали первые пару недель помогать. Мы здесь заодно.

Когда все стали расходиться, миссис Сигер ткнула пальцем в мою сторону:

— Сивил.

— Да, миссис Сигер?

Нахмурившись, она показала на мои ногти и удалилась в свой кабинет. Я подняла ладонь и убедилась: ногти и правда стоило подстричь. Я спрятала руки в карманы.

Втроем мы, медсестры-новички, нырнули в комнату отдыха, чтобы взять со стеллажа сумки. Одна

из девушек — при знакомстве она назвалась Алишей Даунс — легонько толкнула меня локтем. Алиша была примерно моего возраста, родилась и выросла в маленьком городке недалеко от Хантсвилла. В Таскиги я уже встречала таких, как она, — круглолицых провинциалок, невинно хлопающих глазами, не то что я, горожанка до мозга костей.

— По-моему, это фальшивка, — сказала Алиша.

— Что?

Она показала на свою голову:

— Рыжая башня у нее на макушке. За пять дней ни один волосок не колыхнулся.

— Похоже на летающую тарелку, — шепнула я.

Алиша прикрыла рот ладонью, на лице ее промелькнуло новое выражение. Кажется, она все эти дни разыгрывала перед миссис Сигер спектакль. Может, Алиша и провинциалка, но далеко не из робких.

— Спорим, если ткнешь пальцем, останешься без руки, — сказала она.

Третья новенькая покосилась на нас, и я стерла улыбку с лица. Вэл Бринсон — так ее звали — была старше нас с Алишей как минимум лет на десять.

— Она наверняка тебя слышала, — сказала я, когда мы выходили из клиники. — Ты чокнутая!

— Уже прочла свои медкарты?

Я вытащила из сумки желтый конверт. Мне поручили выезд на дом к двум маленьким пациентам. В карточках не было ничего особенного — кроме самого факта, что девочкам их возраста прописали контрацептивы. Судя по документам, первую инъекцию сестрам сделали три месяца назад, то есть как раз подошло время для следующей.

— Есть интересные случаи? — спросила Алиша.

Идиотский вопрос, чуть не ответила я. Мы не на шоу талантов. Алиша выучилась на медсестру в «Добром самаритянине» в Сельме. Она была красива незатейливой красотой, на лице ее всегда блуждала тень улыбки. Как-то миссис Сигер спросила: *Я сказала что-то смешное, мисс Даунс?* — и Алиша ответила: *Нет, мэм, просто чихнуть захотелось.* И лицо ее тут же сделалось непроницаемым. Миссис Сигер задержала на ней взгляд еще на мгновение, затем продолжила разъяснять, как следует мыть туалеты.

— Не сказала бы. — Я не знала, насколько детально нам позволено обсуждать пациентов. О врачебной тайне миссис Сигер толком и не говорила. — Две девочки школьного возраста, которым прописаны инъекции противозачаточного.

— А мне дали мать шестерых детей.

— Шестерых?

— Да-да, ты не ослышалась.

— Значит, надо спешить, пока их не стало семь.

— Точно. Ладно, увидимся. — Алиша помахала мне, и я ответила тем же.

Скажу тебе честно, в те времена я частенько смотрела на людей свысока. Папа привил мне чувство собственного достоинства. Мы жили в районе Сентенниал-Хилл, недалеко от Университета штата Алабама, и меня с детства окружали образованные люди. Высокомерие стало щитом от всех, кто презирал чернокожих настолько, что отказывал им в наличии интеллекта. За ужином мы обсуждали Фанона¹

1 Франц Фанон (1925—1961) — франкоязычный революционер и социальный философ родом с Мартиники, один из теоретиков борьбы за деколонизацию стран третьего мира.

и Болдуина¹, спорили о Дюбуа и Вашингтоне², восторгались Анджелой Дэвис³. Когда по телевизору показывали чернокожих знаменитостей — например, Сэмми Дэвиса-младшего⁴, — посмотреть собиралась вся семья.

Но Алишу не обманула моя надменность: как только мы познакомились, она тут же сократила дистанцию. Глядя ей вслед, я уже знала, что мы быстро подружмся.

Машину я припарковала в полутора кварталах от клиники, на Холкомб-стрит, чтобы ее никто не увидел. На окончание колледжа папа подарил мне новенький «додж кольт», и неловко было появляться на нем у работы, когда большинство медсестер пользовались автобусом. Миссис Сигер поручила мне пациенток, живущих в глуши, потому что знала: у меня есть надежное средство передвижения.

— Сивил?

Боже правый, теперь-то что? Я обернулась к миссис Сигер.

— Можно вас на два слова?

- 1 Джеймс Болдуин (1924—1987) — афроамериканский писатель, борец за права человека.
- 2 Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (1868—1963) — афроамериканский историк и социолог, один из основателей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP). Букер Тальяферро Вашингтон (1856—1915) — оратор и просветитель, борец за права чернокожих и первый ректор Индустриального педагогического института в Таскиги (ныне — Университет Таскиги).
- 3 Анджела Дэвис (р. 1944) — афроамериканская правозащитница, профессор истории развития разума и феминистских исследований в Калифорнийском университете в Санта-Крузе.
- 4 Сэмюел Джордж (Сэмми) Дэвис-младший (1925—1990) — афроамериканский эстрадный артист, чечеточник, певец и комик.

— Да, мэм.

Она направилась обратно в клинику. Дверь хлопнулась, обдав меня теплым потоком воздуха. Я могла поклясться, что эта женщина умеет извергать пламя. Мне не впервые встречались драконы вроде нее, грозные преподаватели были и в колледже Таскиги. Профессор Бойд грозился снизить оценки всем, кто опоздает хотя бы на две минуты. Профессор Маккинни рассаживал девушек и парней по разным концам кабинета и запрещал даже думать о взгляде в противоположную сторону. Подобное меня не пугало. Но рядом с миссис Сигер появлялось стойкое чувство, что я, уж не знаю как, обязательно в чем-нибудь напортачу.

Внутри, за стойкой регистрации, никого не было. Я поправила чепец, пригладила платье и постучала к миссис Сигер. Она не только успела дойти до кабинета, не дожидаясь меня, но и закрыла за собой дверь.

— Входите.

Здание клиники прежде было жилым домом с тремя спальнями. Самую маленькую миссис Сигер переоборудовала в свой кабинет, в двух других располагались смотровые. Кухню превратили в комнату отдыха для сотрудниц, а гостиную вместе с обеденной зоной — в регистратуру и приемное отделение. За стеной в задней части здания рокотало недавно проложенное шоссе.

Вдоль одной стены в кабинете миссис Сигер стояли книжные стеллажи, вдоль другой — шкафы для документов. Над рабочим столом висела дюжина наград за заслуги перед обществом. Орден «Ради других» от Армии спасения. Пожизненное членство

в Молодежной лиге¹. Везде — идеальный порядок. Из стаканчика на столе торчали остро заточенные карандаши.

Миссис Сигер держала в руках какую-то папку.

— Садитесь.

— Да, миссис Сигер.

Я опустила на стул. За открытым окном назойливо чирикал воробей.

— Насколько мне известно, у вашего отца врачебная практика в городе.

Разглядев, что в руках у нее мое личное дело, вместо ответа я закашлялась.

— Вы больны?

— Нет, мэм.

— В нашей профессии важно заботиться о своем здоровье. Мы обязаны высыпаться и следить за питанием, чтобы оказывать помощь другим.

— Да, мэм.

— Прекрасно. Значит, ваш отец доктор, — констатировала она.

Я знала, какими будут ее следующие слова. Те же нотации читали мне преподаватели из Таскиги, когда узнавали, что мой отец и дедушка врачи. *Вы делаете большие успехи в учебе. Но женщина, разумеется, должна задумываться и о другом. Например, о замужестве и детях. Карьера медсестры — правильный выбор, мисс Таунсенд.* Я понятия не имела, что отвечать на подобные отповеди. То, что начиналось как похвала, непременно превращалось в колкое оскорбление. Чаще всего я бубнила что-то бессвязное, за-

1 Молодежная лига — закрытая некоммерческая организация для женщин, занимающаяся благотворительностью. Основана в США в 1901 году.

даваясь вопросом, не принимаю ли все чересчур близко к сердцу.

— Да, мэм.

— Правительство поручило нам важное дело. И мы должны относиться к нашей миссии предельно серьезно. Всякое колесо нуждается в спицах. Мы и есть спицы.

Алиша была права. Волосы у миссис Сигер ни разу не колыхнулись.

— Сивил, вы умная девушка, поэтому я вас и наняла. Я возлагаю на вас большие надежды, поскольку считаю, что вы станете хорошей медсестрой. Но мне не хочется, чтобы вам в голову прокрались напрасные мысли.

Она вроде бы сделала комплимент, но что-то в нем резало слух.

— Мысли о чем, мэм?

Миссис Сигер нахмурилась, и на мгновение я испугалась, что мой вопрос прозвучал дерзко.

— О вашей особой роли. Здесь вы должны работать заодно с остальными медсестрами. Наша миссия — помогать беднякам, которые не могут помочь себе сами.

— Да, мэм. — Я замолчала, переваривая услышанное.

Папа многое сделал, чтобы я не только выросла хорошо образованной, но и разобралась в тех правилах, которым подчинялась наша жизнь в Алабаме. Знала, когда держать язык за зубами. Знала, когда не стоит вступать в сражение. Не пыталась переубедить других — пусть остаются при своем мнении. Уроки дались мне непросто, но я усвоила их достаточно крепко и потому умела добиваться

того, что мне нужно. Например, устройства на эту работу. *Она просто тебя похвалила, Сивил. Прими похвалу с достоинством.*

— Да, мэм. Я не разочарую вас.

Миссис Сигер кивнула.

— И еще, Сивил. Подстригите все-таки ногти.

— Да, мэм.

К медицине меня начало тянуть уже в средней школе. Хотя папа считал, что мне следует выучиться на врача, сама я всегда понимала: медсестры столь же важны для пациентов. В ландшафте медицинского мира, основанном на иерархии, они находятся ближе к земле. Работа в клинике казалась мне идеальным рычагом для продвижения черных людей к прогрессу. Миссис Сигер могла бы заниматься чем угодно, но выбрала помощь молодым цветным женщинам. Ее одобрение много для меня значило. Наш труд должен сделать мир лучше.

Я размышляла так: существуют разные виды служения. Духовная служба. Государственная. Служить — значит оказывать помощь. И здесь, в клинике, мы служили на благо молодых чернокожих женщин.

Мой чепец приподняло порывом ветра. Я поспешила к машине и, как только села в нее, сдернула невидимки и сняла чепец. Клянусь, в те первые дни я не сомневалась, что буду трудиться в клинике столько, сколько позволят. У меня были новая подруга, работа, диплом Таскиги. Мне все было ни почем.

Дома я первым делом предложила маме поменяться машинами. Мне не хотелось привлекать к себе еще больше внимания, а ее «пинто» выглядел

Держи меня за руку

явно потасканной моего «кольта». Я твердо решила, что не подведу миссис Сигер. Дракониха не успеет заметить, как станет есть у меня с руки.